

Это случилось вскоре после его приезда в Мельбурн. Когда он впервые увидел людей, присланных отцом, его лицо было прижато к стене огромным чернокожим мужчиной. Тот держал пистолет у его виска, а второй рукой обыскивал карманы. Самый обычный для заграницы грабёж случился с ним, тогда шестнадцатилетним, тощим и хрупким азиатским мальчишкой.

Если он не ошибался, за ним следили двое — высокие белые мужчины. В Австралии они не выделялись. Они были мастерами маскировки и слежки, и за весь месяц Юй Минлан ни разу ничего не заподозрил. Пока этого чернокожего не сбили с ног.

Один из них произнёс на ломаном китайском:

— Молодой господин.

Всего два слова — и всё встало на свои места. Это были люди отца, присланные для его защиты. Казалось бы, обычная отцовская забота. Но для Юй Минлана, ребёнка, выросшего в эмоциональной пустоте, это выглядело особенно колюче и неестественно. Он взглянул на свои собственные кулаки — тощие, хрупкие — и почувствовал горькую насмешку.

— You are good, — совершенно спокойно сказал он, обходя их, но, проходя мимо, бросил эту фразу.

Позже... он смог бы отправить Лиама в нокаут.

Приказ, который дал Юй Чжэнъянь этим двоим, был предельно прост: protect my son.

Вот и всё. Работодатель дал понять: не переступать границы. Что бы Юй Минлан ни делал, они не должны вмешиваться. Юй Чжэнъянь считал, что его сын способен отличать правильное от неправильного. Он не хотел растить его канарейкой в золотой клетке. Он видел в нём будущего волка, который будет пить кровь.

Юй Минлан поставил стакан с молоком на стол. Стекло звонко стукнулось о мраморную столешницу. Он спокойно ответил:

— Угу. Я был.

— Ты ещё несовершеннолетний, — сказал Юй Чжэнъянь.

Он надеялся, что сын сможет держать себя в рамках, а не станет одним из тех распущенных мажоров.

— Угу, — был небрежный ответ.

Для отца этот безразличный тон звучал как типичный подростковый бунт. Но он знал своего сына и был уверен, что тот не делает ничего без расчёта. Поэтому он спросил терпеливо:

— Скажи мне, зачем ты туда пошёл?

Юй Минлан ответил:

— У меня тоже должен быть круг общения.

Юй Чжэнъянь обдумывал эти слова. Как отец, он не одобрял, что сын посещает такие места ради «общения».

— Я хочу, чтобы ты думал, прежде чем действовать. Не плати цену, которая того не стоит. Я рад, что у тебя появляются друзья, но подумай: стоит ли оно того?

Юй Минлан рассмеялся, и смех его, передаваемый по проводам, исказился лёгким шипением:

— Стоит, папа. Я считаю, что стоит.

— Тот, кто меня пригласил, — Лиам. Полное имя — Лиам Арон.

Юй Чжэнъянь издал короткий выдох, давая понять, что слушает.

— Вы, возможно, о нём не слышали. Но его двоюродный брат, Лукас Арон, и его отец, Лахлан Арон, вам наверняка знакомы.

Юй Чжэнъянь перекатил эту фамилию на языке:

— Арон...

— Он мой одноклассник. И в нашем году он — самый... влиятельный из мажоров.

— Его отец — известный политик, тесно связанный с профсоюзами. Их семейные связи сложны и пронизывают федеральные структуры. Хотя Лахлан — лишь побочная ветвь клана Аронов, его нельзя недооценивать. В политических тонкостях я не силен. Но его двоюродный брат, Лукас, вам точно знаком. Восходящая звезда австралийского бизнеса. Я слышал, вы не так давно часто ездили в Новый Южный Уэльс как раз из-за сделки с его компанией. Как вы считаете, стоит ли заводить знакомство с таким человеком?

Пусть даже для этого пришлось зайти в бар.

— Этот бар, кстати, входит в империю его двоюродного брата.

Поэтому он и смог войти без проблем.

— Но, — голос Юй Чжэнъяня стал твёрже, — моральный облик этого молодого человека, судя по всему, далёк от безупречного.

Юй Минлан парировал:

— Папа, вы, столько лет крутясь в бизнесе, лучше кого бы то ни было знаете, что за облик бывает у людей в этих кругах.

В его словах звучал вызов, почти упрёк. Насколько чист может быть этот «белоснежный» деловой мир? Юй Чжэнъянь с досадой потер переносицу:

— Не нужно так. Сейчас тебе нужно сосредоточиться на учёбе.

Он не ожидал, что его несовершеннолетний сын способен на такие расчёты. Но Юй Минлан продолжил:

— Папа, не волнуйтесь. Я знаю меру. Я просто завожу связи, которые могут пригодиться в будущем.

Юй Чжэнъянь не нашёлся, что ответить. Сын был прав — такие связи действительно важны для его будущего. Но в груди у него скребло что-то неприятное. Он добавил, и в его голосе прозвучало предупреждение:

— Чтобы больше этого не было.

— Хорошо.

Разговор нельзя было назвать приятным. Он и закончился быстро — через несколько фраз. Пять минут двадцать секунд. Юй Минлан взглянул на экран: для них это долго.

Он положил трубку и сел на край кровати. Голова слегка гудела — должно быть, от выпитого. В этот момент раздался звук уведомления — пришло сообщение.

Он поднял телефон. Холодный свет экрана упал на его лицо. Увидев текст, на губах Юй Минлана появилась улыбка, которую сложно было определить. А в следующее мгновение телефон был грубо швырнут на ковёр, отскочил пару раз и упрямо продолжал светиться.

На ярком экране горело имя отправителя: «Liam».

Сообщение: «Five minutes».

К нему было прикреплено фото: на серой стене туалетной кабинки расплывалось белое пятно.

[Авторское примечание: Эм... насчёт его семьи — всё выдумка, нужная для сюжета.]

Юй Минлан откинулся на спину. Перед глазами проплыло наглое, насмешливое лицо Лиама. Он мысленно выругался: «Болван!»

Раздалось ещё два «бип». Он повернул голову и увидел, что на упавшем телефоне загорелся экран — новое сообщение от Лиама. Затем ещё два «бипа» — ещё одно.

Он перевернулся на бок, потянулся, поднял телефон. Пальцы скользнули по корпусу. Несколько минут он просто лежал, уставившись в потолочный светильник. Потом всё же разблокировал экран.

Лиам: «Юй, это просто шутка : )».

Лиам: «New lesson».

[Фото]

В следующее мгновение телефон, едва успевший согреться в руке, снова полетел по воздуху. На этот раз удача отвернулась от него — он перелетел через ковёр и по дуге врезался в голый паркет. При ударе аккумулятор вылетел, а экран с жалким хрустом украсился паутиной трещин.

На той фотографии двое мужчин страстно целовались под ярким светом. Их губы были слиплись, словно у сиамских близнецов. Фоном снова служил тот самый туалет. Юй Минлан фыркнул: «Ну и используют же они это место по полной!» Одним из целующихся был Лиам. Он смотрел прямо в камеру, бровь насмешливо приподнята. Другим был Джеймс — с затуманенным взглядом и покрасневшими щеками. И всё это — за те несколько минут, что они там были.

Впервые Юй Минлан на себе ощутил, что такое австралийская раскованность. Лиам и правда брал всё, что плохо лежит. Если память ему не изменяла, у этого типа ещё и девушка в школе была. Хотя и просто для показухи, но у него явно отсутствовало само понятие верности. Юй Минлан же, как ни странно, в глубине души был консерватором. Он верил в верность. Даже несмотря на то, что у его отца было множество любовниц — о чём Юй Чжэнъянь, впрочем, никогда при нём не распространялся.

<http://bllate.org/book/15288/1350655>